

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(К 30-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СЕКТОРА ФИЛОСОФИИ
ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ АН СССР)

© 1990 М. Т. СТЕПАНИНЦ

Географическое положение, в силу которого мы принадлежим двум континентам — Европе и Азии, историческое прошлое, тесно связанное с судьбами Востока, уходящие в глубь веков политические, торговые и культурные контакты с азиатскими соседями вдоль растянутой на многие тысячи километров границы, сосуществование в рамках Российской Империи, а затем советской федерации европейских народов с многочисленными этносами азиатского региона — все это издавна сказывалось на глубоком интересе, проявляемом просвещенными умами Отечества к Востоку в целом и его духовной культуре в частности.

К началу нынешнего столетия российское востоковедение прославилось трудами Ф. И. Щербатского, В. П. Васильева, С. Ф. Ольденбурга, О. О. Розенберга, В. М. Алексеева и других выдающихся ученых. То были ориенталисты с широким диапазоном интересов, для большинства из них философия была не единственным и даже не главным объектом исследования. Тем не менее достижения их были впечатляющими, особенно в области перевода, комментирования и осмысления буддийских текстов¹. К несчастью, общая идейно-политическая ситуация, сложив-

¹ См., в частности, начатую еще в 1887 г. серию «Bibliotheca Buddica», руководимую Ф. И. Щербатским и С. Ф. Ольденбургом.

паяся в стране в предвоенные и первые послевоенные десятилетия, не способствовала дальнейшему развитию академического философского востоковедения, нанесла ему непоправимый вред.

Организационное оформление отечественное философское востоковедение получило значительно позже других направлений ориенталистики. В конце 50-х годов по инициативе ираниста С. Н. Григоряна (1914—1974) в Институт философии АН СССР стали приходиться выпускники Института востоковедения, а позже восточного отделения МГИМО, которые и составили ядро созданного в 1960 г. нового научного подразделения — сектора философии зарубежного Востока.

С самого начала обнаружилась объективная трудность — полное отсутствие научных кадров, имеющих одновременно философское и востоковедное образование. В этих условиях предпочтение было отдано тем, кто имел страноведческую подготовку, владел хотя бы одним из восточных языков (не говоря уже о западных). Так, в Институте философии появились первые китайцы, индологи, арабисты, корейцы, тюркологи и др.

Тормозом на путях становления нового направления стали господство догматизма и идеологизация в отечественной философской науке. В исторических исследованиях преобладала установка на безусловную борьбу материализма и идеализма как генеральной линии развития философской мысли, на безоговорочную оценку любого идеалистического, а тем более религиозного, мыслителя как «реакционера», «проводника интересов эксплуататорских классов». Такой подход наиболее ярко проявился в шеститомной «Истории философии». Чтобы любыми средствами обнаружить «линию Демокрита и Платона» в философии, например, древней Индии, к разряду материализма причислялись любые антибрахманские настроения, неприятия учения об «освобождении» души, критическое отношение к аскетизму и т. д.² Известно, однако, что оппозиционность брахманизму не была еще сама по себе свидетельством приверженности к материалистическим воззрениям. В истории древней Индии критика брахманизма и борьба с ним развертывалась главным образом в рамках религиозного, идеалистического сознания, самым сильным антибрахманским настроением отличались буддизм и джайнизм.

Точно так же неоправданно произвольное нарушение реально существовавшего соотношения материализма и идеализма в истории древней и средневековой Индии, при котором основное внимание уделено школе чарваков и явно занижена значимость ведантов. В результате локаята — материалистическое учение чарваков — изложена в «Истории философии» более чем на четырех страницах, в то время как наиболее влиятельная как в прошлом, так и по сей день веданта в разделе древней философии упоминается лишь однажды и в главе, посвященной «развитию философской мысли в эпоху феодализма», представлена лишь одной страницей. Соответственно и классические философские системы — даршаны (ньяя, вайшешика, санкхья и миманса) освещены исключительно под углом зрения наличия и степени присутствия в них элементов материализма. А поскольку в итоге таковых обнаружить не удалось, она однозначно оценена как крайняя форма «идеализма мистического толка»³. Столь же упрощенно-схематично представлена на половине страницы философия буддизма. Имя Нагарджуны упоминается вкуче с другими представителями школы мадхьямиков, отрицательно охарактеризованных за попытки «логических ухищрений» и «спекуляции на относительности человеческих знаний»⁴.

Недооцененным оказался не только «удельный вес» идеализма, но и его объективная роль в развитии человеческого знания. «В условиях господства рабовладельческой знати и засилья религиозной идеологии, — говорится в заключении к главе „Зарождение и развитие философской мысли в рабовладельческих обществах древнего Востока“, — лучшие (!) и наиболее плодотворные (?) философские учения древнего Востока были либо материалистические по своему характеру, либо содержали материалистические элементы»⁵. Разделы по Востоку в «Истории

² См.: История философии. В 6 т. М., 1957—1965. Т. 1, 1957, с. 44—45.

³ Там же, с. 57.

⁴ Там же, с. 188.

⁵ Там же, с. 71.

философии», так же как и подавляющее большинство философских востоковедных работ того времени, были написаны с намерением отвергнуть европоцентристское отношение к восточной философии. Об этой установке прямо говорилось в предисловиях, вводных разделах практически всех трудов. Однако, как это ни парадоксально, критикуя «буржуазный» европоцентризм, мы, по существу, проявляли свой собственный, ибо пытались рассмотреть и оценить восточную философию исключительно в рамках усвоенного нами вульгарного марксизма: отсюда упорное стремление развести философию и религию, материализм и идеализм как полярные, несовместимые идейные течения и, как следствие этого, игнорирование, непонимание своеобразия развития философской мысли в Индии, Китае и т. д.⁶ Предписанная сверху задача активной, непримиримой борьбы с идейными противниками определила направленность подавляющего большинства коллективных трудов 60—70-х годов. Так, малочисленные силы философов-востоковедов неоправданно были сосредоточены почти исключительно на изучении идеологии национально-освободительного движения, теоретических оснований революционно-демократических сил, так называемого некапиталистического пути развития и т. п. Справедливости ради надо признать, что при всей политизированности самой проблематики исследований последние все же выгодно отличались от многих трудов по той же тематике опорой на солидный фундамент первоисточников, лишенной узкого эмпиризма концептуализацией, наконец, относительной свободой от грубой, прямолинейно-упрощенной негативной оценки идейных течений вне рамок марксизма.

К концу 70—началу 80-х годов наступил переломный этап. В острой форме (это протекало тем не менее в течение нескольких лет) проявился конфликт двух поколений: «старшего», к этому времени в основном остепененного докторскими регалиями, и «среднего» (о молодежи трудно говорить, так как она состояла преимущественно из немногочисленных аспирантов, не осмеливавшихся пока решительно заявить о своей позиции). Конфликт имел сугубо идейный характер — речь шла о необходимости отказа от догматизма, навешивания ярлыков типа «реакционер», «ревизионист», о создании благоприятных условий для творческой деятельности. Победа сторонников переориентации достигнута была немалой ценой: потерей нескольких лет, нервный накал которых отвлек многих сотрудников от полнокровной научно-исследовательской работы, уходом из института ряда способных, перспективных специалистов.

80-е годы — начало качественно нового периода в истории отечественного философского востоковедения. Реализация творческого потенциала, накопленного представителями «среднего» поколения (перешедшего постепенно в разряд «старшего»), пополнение за счет молодежи, получившей ориенталистскую подготовку главным образом в стенах философского факультета МГУ, подключение к философской проблематике не одних только энтузиастов-одиночек, но теперь уже небольших групп в научных подразделениях Института востоковедения АН СССР в Москве, его отделения в Ленинграде, Института Дальнего Востока АН СССР, Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, отделений философии и права академий наук Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и др., а главное, начавшееся общее оздоровление духовной, идейной обстановки в стране — все это позволило значительно повысить научный уровень исследований в указанной области.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующие, наиболее существенные с нашей точки зрения, моменты. Прежде всего, на переориентацию исследовательских интересов в сторону собственно философской проблематики. Это нашло отражение в коллективных трудах сектора, опубликованных в 80-е годы⁷.

⁶ Отметим, однако, что и в самые трудные времена находились ученые, проявившие смелость быть свободными от навязываемых идеологических установок и сумевшие осуществить исследования, отличающиеся высоким теоретическим уровнем, соответствующим мировым стандартам (см. работы А. М. Пятигорского, В. И. Топорова, Ю. К. Щуцкого, В. А. Рубина и др.).

⁷ См., например: Философское наследие народов Востока и современность. М., 1983; Философия и религия на зарубежном Востоке. XX век. М., 1985; Методологические проблемы изучения истории философии зарубежного Востока. М., 1987; Рационалистическая традиция и современность. Т. 1. Индия. М., 1988; т. 2. Исламский мир. М., 1990; и др.

Та же тенденция к большей «философизации» наблюдается и в индивидуальных монографиях⁸.

Конечно, груз «мертвых традиций прошлого» еще окончательно не преодолен, и потому склонность к идеологически окрашенным оценкам даже там, где без них вполне можно было бы обойтись, не изжита полностью. Но все же тенденция к научной объективности явно набирает силу. Ориентация на сугубо философскую проблематику не означает отказа от анализа идейно-политической обстановки в современном афро-азиатском мире. И в 80-е годы продолжалась работа в этом направлении⁹. Однако удельный вес такого рода работ не был преобладающим, а главное — при рассмотрении идеологических феноменов внимание было сосредоточено на их философских, теоретических основаниях.

Более солидным стал «фундамент», на котором строятся исследования. Речь идет о том, что осваиваются чрезвычайно сложные в прочтении и, особенно, в интерпретации, переводе на понятный язык европейца источники (прежде всего периода древности и средневековья). Философы-востоковеды, как правило, опираются теперь не на чужие тексты (или — что еще хуже — на их пересказы, как это не раз бывало в прошлом), а на собственные переводы оригинальных памятников духовной культуры. Кроме того, они широко привлекают комментаторскую литературу средневековья.

Историко-философский анализ проводится с учетом не только и даже не столько социально-экономических и политических факторов (вульгарная социологизация была присуща многим работам прошлого времени), сколько общекультурной тектуры, специфики национальных духовных традиций.

Намного расширился угол зрения ориенталистов, проявляющих способность рассматривать и оценивать феномены «восточной» мысли в контексте общечеловеческой культуры, всемирной истории философии. К настоящему времени обстоятельно исследованы основные школы классической китайской (даосизм, конфуцианство, моизм, легизм) и индийской философии (санкхья, ньяя, вайшешика, веданта, миманса, буддизм, джайнизм). Практически по большинству из них защищены диссертационные исследования, опубликованы или готовятся к изданию фундаментальные монографические труды.

Существенно расширен круг знаний по средневековой арабской философии: наряду с детальным изучением восточных перипатетиков, предприняты исследования, восполняющие пробелы в понимании вклада калама, суфизма и исмаилизма в развитие философской мысли в так называемом мусульманском мире¹⁰. Все это создало благоприятные предпосылки для участия философов-востоковедов в осуществлении проекта нового отечественного издания — «Всемирной истории философии».

Реализация столь ответственного замысла, каким является «Всемирная история философии», обнаруживает со всей очевидностью и остротой наиболее слабые стороны отечественного философского востоковедения. Прежде всего, несмотря на позитивные сдвиги последних лет по освоению источников, репрезентативных философских текстов, по-прежнему наблюдается отставание от западной ориенталистики. Приведем лишь один пример. На сегодняшний день существует около 2 тыс. переводов знаменитого памятника древнеиндийской духовной культуры «Бхагвадгита», в том числе на английском — 273, на немецком — 28, на французском —

⁸ См.: *Е. А. Фролова*. Проблема веры и знания в арабской философии. М., 1983; *В. Г. Лысенко*. «Философия природы» в Индии: атомизм школы вайшешика. М., 1986; *М. Т. Степанянец*. Философские аспекты суфизма. М., 1987; и др.

⁹ Проблемы идеологической борьбы в условиях некапиталистического пути развития. Улан-Батор, 1986; *В. Г. Буров*. Современная китайская философия. М., 1980; *М. Т. Степанянец*. Мусульманские концепции в философии и политике XIX—XX вв. М., 1982; *О. В. Мезенцева*. Роль индуизма в идеологической борьбе современной Индии. М., 1985; и др.

¹⁰ *Т. К. Ибрагим*. Философия калама (VII—XV вв.). Докт. дис. М., 1984; *Р. И. Султанов*. Роль дискуссий о свободе воли в формировании теологической этики мутазилитов (VIII—IX вв.). Канд. дис. М., 1984; *М. Т. Степанянец*. Философские аспекты суфизма; *Х. Додигудов*. Философия крестьянского бунта (О роли средневекового исмаилизма в развитии свободомыслия на мусульманском Востоке). Докт. дис. М., 1989; *А. В. Смирнов*. Философия Ибн Араби. Канд. дис. М., 1989; и др.

25, на итальянском — 19, на испанском — 13. На русском языке имеется лишь пять переводов «Бхагавадгиты», из которых только два имеют научную ценность, поскольку выполнены с оригинала на санскрите¹¹.

Восполнить указанный пробел в определенной степени помогут задуманные сектором философии зарубежного Востока антологии по отдельным странам или регионам. Первым таким изданием в серии «Философское наследие» станет трехтомная антология индийской классической философии. Хотя объем каждого из томов — от 40 до 50 авторских листов, тем не менее даже и в этом случае вряд ли удастся представить все богатство философского наследия древней и средневековой Индии. Решено поэтому посвятить антологию текстам наиболее влиятельной и по сей день брахманической философии, представленной в истории классическими школами-даршанами. Поскольку становлению указанных школ предшествовал насыщенный предфилософский период, а позже — острая полемика с оппозиционными брахманизму направлениями, в первый том включены фрагменты ведических текстов, одна из Упанишад, «Бхагавадгита», а также тексты, позволяющие ознакомиться с позициями буддистов, джайнов и индийских материалистов-чарваков. Что касается брахманических даршан, то они будут представлены в издании базовыми текстами и наиболее авторитетными средневековыми комментариями: «Санкхья-карикой», «Йога-сутрой» Патанджали, «Вайшешика-сутрой» Канады, «Ньяя-сутрой» Гаутамы, «Миманса-сутрой» Джаймини, «Веданта-сутрой» Бадараяны и др.

Намечено также издание двухтомной антологии средневековой арабской философии. Как и в индийской антологии, в нее будут включены, за редким исключением, ранее не опубликованные тексты. Особый интерес составят практически неизвестные советскому читателю произведения мутакаллимов, суфиев, исмаилитов, философов-литераторов. Одновременно ведется работа по подготовке однотомных или двухтомных изданий переводов текстов философов и мыслителей средневековой Японии, Монголии и Вьетнама. Настало время публикации на более высоком переводческом и комментаторском уровне антологии классической китайской философии.

Помимо антологий, пробелы в нашем знакомстве с оригинальной философской литературой Востока могли бы быть восполнены расширением объема переводов памятников (в форме отдельных изданий), а также произведений отдельных мыслителей в качестве приложений к соответствующим монографическим исследованиям.

Повышение теоретического уровня исследований по истории философии Востока настоятельно требует глубокой и основательной разработки методологических подходов. По-прежнему, возможно, наиболее сложной проблемой остается прочтение текстов, перевод языка древних и средневековых индийских, китайских и других философских трактатов в терминах и понятиях, доступных читателю, воспитанному в западноевропейских философских традициях, и в то же время не искажающих содержание оригинала. В настоящее время среди востоковедов-философов преобладают три подхода к указанной проблеме. Один, исходя из представлений о едином мировом историко-философском процессе, настаивает на необходимости нахождения в восточных текстах синонимов привычных нам философских терминов (например, «материя», «бытие», «идеальное» и т. д.). Другие, напротив, утверждают принципиальную неперебиваемость восточного понятийно-терминологического аппарата на западные языки. Наиболее решительно эта позиция выражена В. В. Малявиным, полагающим, что «европейские, китайские или индийские понятия никогда не являются эквивалентами и не имеют общей системы координат»¹².

И, наконец, третий подход характеризуется стремлением найти сбалансированную «золотую середину»: исходя из предпосылки существования единства в много-

¹¹ Б. Л. Смирнов. Философские тексты Махабхараты. Вып. 1. Кн. 1. Бхагавадгита. Пер. с санскрита, предисл., примеч. и толковый словарь. Ашхабад, 1977 (изд. 3-е, воспроизводящее текст 1-го издания 1956 г.); В. С. Семенов. Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. М., 1985.

¹² В. В. Малявин. Чжуан-цзы. М., 1985, с. 3.

образии, выявить общее и специфическое в развитии философских традиций Востока и Запада.

Помимо указанных выше, вполне объективных и устранимых лишь в отдаленной перспективе трудностей, на путях развития философского востоковедения, к сожалению, имеются сложности, которых могло бы и не быть, если бы проводилась более продуманная политика в области воспитания научных кадров. В настоящее время в нашей стране практически отсутствует какая-либо программа по подготовке философов-востоковедов. В результате — ученых данного профиля в целом можно насчитать около трех десятков. При этом значительная часть из них — одиночки, вкрапленные в академические и вузовские подразделения, или небольшие группы в отделах не философских, а востоковедных институтов. Специалисты в указанной области формировались в основном за счет востоковедов (историков, филологов, литературоведов), проявивших интерес к философии и рискнувших вторгнуться в «не свою» область знаний. Многие из них — люди большой самоотверженности: они сознательно обрекли себя на длительное научное «молчание», необходимое для освоения и осмысления материала, требующего многолетнего не только квалифицированного, но и необыкновенно тяжелого труда. Речь идет, помимо всего прочего, о «расшифровке» текстов, написанных не просто на иностранных, а на древних, средневековых малоизученных языках, какими являются веньян, санскрит, пали и т. д. Одновременно этим ученым-подвижникам приходилось заниматься и самообразованием в области истории философии.

Лишь небольшую часть философов-востоковедов составляют те выпускники МГУ, которым посчастливилось учиться на философском факультете в то недолгое время, когда здесь существовала специализация по китайской, индийской, арабской и японской философии с преподаванием соответствующих языков. Именно эти, в среднем 35—40-летние ученые составляют сегодня творческое ядро отечественного философского востоковедения, они — наша надежда и будущее.

Университетская подготовка философов-ориенталистов оказалась весьма плодотворной, тем не менее она была прервана. Одна из причин тому — сложности с продолжением учебы в аспирантуре и трудоустройством. Институт философии АН СССР из числа упомянутых выпускников принял на работу всего одного. К счастью, руководители других научных подразделений (Г. М. Бонгард-Левин, Л. П. Делюсин, И. Л. Андреев) осознали значимость историко-философских исследований по Востоку и дали академический «кров» тем, кому его не дал Институт философии.

Когда недалёковидность подобной кадровой политики обнаружилась сполна, подготовка ориенталистов на философском факультете прекратилась. В 80-е годы, как бы наверстывая упущенное, Институт философии стал прилагать удвоенные усилия к привлечению способных и квалифицированных ученых к исследованиям в области истории философии зарубежного Востока. К совместной научно-исследовательской работе были приглашены ученые других учреждений (А. И. Кобзев, В. Г. Лысенко, В. М. Андросов, А. А. Игнатенко, Н. В. Исаева, А. И. Рудой и др.). Предпринимаются шаги, направленные на координацию деятельности рассеянных по стране немногочисленных философов-востоковедов. Этому способствовали проведенные по инициативе института общесоюзные конференции в Москве, Душанбе, Улан-Удэ. Сектор философии зарубежного Востока всемерно содействует подготовке и повышению квалификации кадров. В последние годы здесь постоянно стажировались специалисты из республик. Так, 1989 г. в секторе работали ученые из Бурятии, Таджикистана, Дагестана, Башкирии и т. д. Сектор оказывает помощь в подготовке и защите докторских диссертаций по истории восточной философии (за последние три года здесь были защищены докторские диссертации А. В. Сагадеевым, М. Дынориповым, А. И. Кобзевым, Н. С. Илларионовым).

Координация научно-исследовательской деятельности в области философского востоковедения способствует инициатива сектора по регулярному (раз в два года) изданию аналитических обзоров осуществляемых в стране исследований, включая не только книги, но и статьи, а также диссертационные работы по указанной тематике (отв. ред. — Г. Б. Шаймухамбетова). Обзоры такого рода призваны информировать отечественных ученых о новых трудах, обращать их внимание на ос-

новые итоги, достижения, а также на слабые стороны, просчеты, определять наименее исследованный круг проблем и т. п.¹³

Очевидно, что в отрыве от мировой науки не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном развитии той или иной области знания. В истекшее десятилетие удалось отчасти преодолеть былую изолированность. Закреплены, расширены и переведены на регулярную основу ранее имевшиеся контакты. Это касается прежде всего сотрудничества с философами МНР, ДРВ, КНР. В двусторонние соглашения по сотрудничеству в области науки с МНР, ДРВ включены проекты по истории восточной философии: изучению философии и культуры буддизма (в связи с этим были проведены советско-монгольские «круглые столы» в Улан-Удэ и Улан-Баторе), истории философской и общественной мысли Монголии (совместная подготовка антологий), истории распространения марксизма во Вьетнаме (опубликован коллективный труд)¹⁴, истории философской и общественной мысли Вьетнама (совместная работа над антологией). Работа над упомянутыми выше антологиями представляет большой научный интерес: она позволит заполнить вакуум в изучении вклада в мировое философское наследие «малых» азиатских народов. Для последних это еще и возможность лучше понять свою собственную культуру, в какой-то мере путь к национальной самоидентификации, осознанию национального духовного своеобразия, отличия от доминировавшего в течение веков влияния китайской цивилизации.

Сделаны первые шаги по восстановлению научных контактов с философами КНР. В этой связи, в частности, можно отметить стажировку в Китае советских сиологов, участие китайских авторов в коллективном труде «Рационалистическая традиция и современность» и др. Качественно новый характер приобрели научные контакты с индийскими философами. Обмен учеными стал регулярным, появилась возможность стажировки специалистов по линии исполкома Международного общества по изучению индийской философии. В состав редколлегии журнала «*Darshana International*» введен представитель советской философской науки, почетным доктором АН СССР является президент Индийского философского конгресса К. Сатчидананда Мурти, Индийский совет по философским исследованиям издает коллективный труд «История индийской философии в советских исследованиях» и т. п.

В 80-е годы начали развиваться научные контакты с философами арабских стран, правда, они носят пока эпизодический характер. Состоялся обмен делегациями философов с Иорданией, поддерживаются контакты с учеными из Ливана, Алжира, Сирии, Египта. В настоящее время в секторе учатся аспиранты из Иордании, Сев. Йемена, Сирии.

Научные связи со странами Востока дают многое: это и возможность получения литературы, практически недоступной в СССР, и условия для личного контакта с живой культурой, всегда более сложной и богатой, чем книжная, и польза от обсуждения интересующих проблем с «носителями» культуры. Это, наконец, необходимая для развития науки апробация научных выводов и результатов. Кстати, об апробации. В последние годы в странах Востока опубликован ряд книг и статей советских философов-востоковедов¹⁵. Публикации такого рода служат не только популяризации отечественной ориенталистики за рубежом, но и позволяют узнать ее оценку международной научной общественностью. (В связи с выходом в Бейруте на арабском языке книги «Мусульманская философия в советских исследованиях» в газетах и журналах стран Ближнего и Среднего Востока было опубликовано около 20 обзоров и рецензий.)

Весьма незначительны пока научные связи с востоковедами-философами западных стран. И тем не менее некоторые позитивные перемены происходят и здесь.

¹³ См.: Философия стран Азии и Африки: проблемы новейшей историографии. Вып. 1. М., 1988; вып. 2, 1990.

¹⁴ Распространение марксизма-ленинизма во Вьетнаме. М., 1983.

¹⁵ Muslim Philosophy in Soviet Studies. New Delhi, «Sterling Publishers», 1988; M. T. Stepaniants. Islamic Philosophy and Social Thought (XIX—XX Centuries). Lahore, «People's Publishing House», 1989; *idem*. Philosophical Aspects of Sufism. New Delhi, «Ajanta Publications», 1989; O. V. Mezentseva. Ideological Struggle in Modern India: Implications of Hinduism. Calcutta, «Vostok», 1989.

Так, впервые на Всемирном философском конгрессе по инициативе советской стороны был организован «круглый стол» по восточной проблематике («Концепция человека в восточных философиях») ¹⁶. Установлению контактов с западными учеными способствовало участие в проводившихся в Финляндии и Турции конференциях Международного общества по изучению средневековой философии. Впервые (со времени основания в 1939 г.) на конференцию «Философы: Восток—Запад», проводимую по традиции в Голлулу, был приглашен в качестве докладчика представитель отечественной философской науки и т. д.

Итак, по сравнению с недавним прошлым сделано, кажется, немало, и в то же время, если сравнить наши итоги с успехами мирового философского востоковедения, картина сложится неутешительная. Причин отставания много. Но, наверно, главная из них — довлеющий над ними (но при этом неосозанный) европоцентризм. Да, мы критиковали других за колонизаторский менталитет, за высокомерное отношение к культуре Востока, но сами скорее на словах, чем на деле, выступали за уважительное отношение к духовному наследию «пезападных» народов. Об этом свидетельствуют незначительное число философов-востоковедов в не столь уже малочисленной среде отечественных историков философии ¹⁷, низкий удельный вес издаваемой в стране литературы, посвященной восточной философии ¹⁸, количество публикуемых ориенталистских памятников в общем объеме соответствующей литературы, слабые знания в области восточной философии у философов-невостоковедов. Все это говорит о том, что европоцентризм еще далеко не преодолен. А его преодоление все больше становится не только академической, но и политической и — что еще важнее — настоятельной общечеловеческой потребностью. Без изучения и освоения наследия народов Востока невозможно воспроизводство адекватной всемирной истории философской мысли. Не зная глубоко этого наследия, мы обедняем прежде всего самих себя, лишаемся ценнейших источников духовности и мудрости. Развитие средств коммуникаций, расширение торговых и экономических связей не только исключают изоляцию, но диктуют необходимость тесного мирового сосуществования, невозможного без взаимного знания и взаимного понимания.

Реально нависшая над человечеством угроза самоуничтожения требует усилий, направленных на выработку нового мышления, новой морали, новых принципов человеческого общежития. И если мы хотим, чтобы эти усилия увенчались успехом, мы обязаны обратить свои взоры к мудрости, накопленной народами Запада и Востока, Севера и Юга, стремясь найти в ней то, что позволяет не только спасти жизнь на земле, но и сохранить ее во всем богатстве многообразия.

¹⁶ Подробно см.: М. Т. Степаняну. «Восточные голоса» Всемирного философского конгресса. — Народы Азии и Африки, 1989, № 5.

¹⁷ Сравните с данными, свидетельствующими о том, что в период с 1971 по 1975 г. на Западе было защищено более 100 диссертаций по истории китайской философии.

¹⁸ По оценкам зарубежных библиографов, в начале 80-х годов на западноевропейских языках ежегодно публиковалось в среднем до 40 книг по китайской философии и немногим более — по индийской.